

Полиптотон в лирике Пушкина

Ольга Львовна Довгий, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва), olga-dovgy@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170028370-6

АННОТАЦИЯ: Статья продолжает серию публикаций автора, на практике демонстрирующих принципы работы микрофилологического подхода к тексту, в основе которого перенесение исследовательского фокуса с макроуровня (идейно-тематического) на микроуровни (особенно грамматический и фонетический). В настоящей статье представлены интерпретации двух стихотворений Пушкина («Туча» и «Буря») в свете грамматики — в частности, фигуры полиптотона (многопадежия). В качестве главной призмы использована оппозиция «именительный падеж / косвенные падежи» (для настоящего исследования семантические различия между косвенными падежами менее важны, чем их общность в противопоставлении падежу именительному), отражающая развитие драматического движения и расстановку персонажей стихотворений: переход существительного из именительного падежа (например, *тучи* в одноименном стихотворении) в косвенный часто знаменует переход из «активной» зоны, с позиции «главного персонажа» в зону «страдательных», «подчиненных персонажей» и наоборот (*девы* в стихотворении «Буря»). Анализ использования в лирике чередования падежных окончаний существительных и личных местоимений наглядно показывает, как грамматика, часто оказываясь динамической пружиной стихотворения, из чисто лингвистической сферы переходит в разряд сильных художественных средств, обогащая и план содержания, и план выражения, позволяя увидеть, как глубина содержания отражается на микроуровнях текста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А. С. Пушкин, грамматика поэзии, микрофилологический подход к тексту, полиптотон

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Довгий О. Л. Полиптотон в лирике Пушкина // Русская речь. 2023. № 5. С. 106–116. DOI: 10.31857/S013161170028370-6.

The Language of Fiction

Polyptoton in Pushkin's Lyrics

Ol'ga L. Dovgij, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow), olga-dovgy@yandex.ru

ABSTRACT: The paper pursues the series of the author's publications demonstrating in practice the principles of the microphilological approach to the text, which is based on the transfer of the research focus from the macro-level (ideological and thematic) to the micro-levels of the text (especially grammatical and phonetic). This article presents interpretations of two Pushkin's poems ("Cloud" and "Storm") in the light of grammar — in particular, polyptotone (multi-occurrence). The opposition "nominative case / indirect cases" is used as a prism (for this study, semantic differences between indirect cases are less important than their commonality in opposition to the nominative case), reflecting the development of dramatic movement and the arrangement of characters. For instance, the transition of a noun from the nominative case (for example, clouds in the poem of the same name) to the indirect one often marks the transition from the active region, from the position of the "main character" to the region of "passive", "subordinate characters" and vice versa (e. g. virgo in the poem "Storm"). The analysis of the alternating case endings of the nouns and personal pronouns in the poems clearly demonstrates how grammar, often functioning as a dynamic spring of a poem, moves from the purely linguistic sphere into the category of strong artistic techniques, enriching both the content plan and the expression plan, allowing you to see how the depth of the content is reflected at the micro-levels of the text.

KEYWORDS: A. Pushkin, grammar of poetry, microphilological approach to the text, polyptoton

FOR CITATION: Dovgij O. L. Polypoton in Pushkin's Lyrics. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 5. Pp. 106–116. DOI: 10.31857/S013161170028370-6.

Главный принцип микрофилологического метода интерпретации художественного текста — «перенесение исследовательского фокуса с макроуровня (принадлежность к литературному направлению, жанру и т. д.)

на микроуровень текста (анализ топики, грамматики, фонетики, рифмы и т. д.)» [Кулагина 2018: 34], системное исследование «поэтики мелочей» и ее роли в общем художественном замысле автора. В поле зрения «микро-филолога» автоматически попадает все, что связано с «грамматикой поэзии». «Поэтическая грамматика отличается от школьной», — заметил В. В. Биbihин [Биbihин 2009: 586]. В фундаментальной статье М. И. Шапира подробно описаны эти отличия: изложена история «грамматического» направления, названы имена развивавших его филологов, рассмотрены его основные теоретические принципы: «Формула “грамматика поэзии” получила признание после работ Р. О. Якобсона, хотя имела к этому времени почти полувековую историю. Лингвистическое изучение языка художественной литературы находилось в русле ломоносовской традиции, продолженной Ф. И. Буслаевым и А. А. Потебней, — они включили стилистику, риторику и поэтику в контекст языкознания, а непосредственное становление термина и соответствующей отрасли филологии было связано с деятельностью Общества изучения поэтического языка (Опояза), Московского лингвистического кружка (МЛК) и Пражского лингвистического кружка (ПЛК)... Определение поэзии как своего рода языка потребовало изучения его особой структуры, и в поэтику были спроецированы “лингвистические приемы и методы анализа”... Понимание поэтики как “морфологии” словесного искусства было свойственно многим филологам Москвы и Петрограда, таким как М. А. Петровский, В. М. Жирмунский, А. А. Реформатский, Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, В. Я. Пропп, Б. И. Ярхо и др.» [Шапир 2015: 327–328]. В последние годы «грамматическое направление» становится все более актуальным: выходят исследования, где теория переплетается с интерпретациями конкретных произведений, в частности русских поэтов (К. Н. Батюшкова, А. А. Дельвига, А. А. Блока, С. А. Есенина, Вяч. Иванова, Н. А. Заболоцкого, И. А. Бродского и др.) — например, двухтомник «Поэтическая грамматика», подготовленный Институтом русского языка имени В. В. Виноградова [Красильникова (отв. ред.) 2006; Красильникова (отв. ред.) 2013], монография Е. А. Скоробогатовой «Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени)» [Скоробогатова 2012], книга Я. И. Гина, долгие годы занимавшегося изучением поэтики грамматических категорий и разработкой метода интерпретации поэтического текста с использованием грамматической оптики [Гин 2017]; появляются статьи, посвященные грамматике поэзии конкретных авторов, например Егору Летову [Темиршина 2022], и даже отдельным грамматическим единицам, например предлогу «в» [Эпштейн 2003]. Но, странным образом, грамматическая оптика пока мало применяется к поэзии Пушкина. К классическим работам В. В. Виноградова [Виноградов 1941], Г. О. Винокура [Винокур 1959], Р. О. Якобсона [Якобсон 1983], А. К. Жолковского [Жолковский 1977; Жолковский 1979], Ю. К. Щеглова [Щеглов 2008] мало что можно добавить.

Суть отношений Пушкина с грамматикой трудно сформулировать лучше Якобсона: «...в поэзии Пушкина путеводная значимость морфологической и синтаксической ткани сплетается и соперничает с художественной ролью словесных тропов, нередко овладевая стихами и превращаясь в главного, даже единственного носителя их сокровенной символики... Контрасты, сходства и смежности различных времен и чисел, глагольных видов и залогов приобретают впрямь руководящую роль в композиции отдельных стихотворений; выдвинутые путем взаимного противопоставления грамматические категории действуют подобно поэтическим образам; в частности, искусное чередование грамматических лиц становится средством напряженного драматизма» [Якобсон 1983: 462].

По Якобсону, использование грамматики может быть рассмотрено как альтернатива риторическим фигурам замены: «Так называемая “безобразная поэзия”, или “поэзия мысли”, широко применяет “грамматическую фигуру” взамен подавляемых тропов. И боевой хорал гуситов, и пушкинское “Я вас любил...” являются наглядными образчиками монополии грамматических приемов» [Якобсон 1983: 469].

Об «искусном чередовании грамматических лиц» — падежа и числа (или о роли грамматического персонажа по имени «полиптон») — в лирике Пушкина и пойдет речь в настоящей статье. «Полиптон (многопадежие; в лат. терминологии — *derivatio, variatio*) — фигура, в которой слова повторяются с вариациями падежных форм (в более широком понимании — также с вариациями форм числа и рода). При полиптоне слово изменяется падежным склонением или изменением рода и числа» [Махов 2010: 440].

Этот прием был хорошо известен уже Кантемиру: «а) *Конструкции, построенные на фигуре полиптона*: “из передней в переднюю”, “из дома в дом”, “от доски до доски”, etc.»: [Кулагина 2018: 55], активно используется он и в поэзии начала XX века, «ориентированной на обнажение приема..: Бежит волна — волной волне хребет ломая...» [Скоробогатова 2012: 348].

В основе нашей интерпретации — оппозиция, «именительный падеж / косвенные падежи», основанная на «иерархии падежных значений», «особое положение именительного падежа: имя (предмет), стоящее в именительном падеже, приобретает в высказывании ведущую роль — говорящий фиксирует на нем свое внимание» [Якобсон 1985: 143]. Семантические различия падежей для настоящего исследования менее важны, чем их общность в противопоставлении падежу именительному по принципу различия активного действия / «страдательного» состояния; отнесения к главным/второстепенным персонажам. Нами двигало стремление проследить, как драматическое развитие лирического сюжета и отношения между персонажами стихотворений выражены падежной оппозицией. На практике такое выделение грамматического «сюжета» при чтении художественных произведений неизбежно приводит к «одушевлению» грамматических категорий.

Перейдем к анализу.

«Туча» (1822)

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом объехала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес

[Пушкин 1959, т. 2: 432].

Стихотворение, написанное в форме обращения к туче, озаглавлено существительным в именительном падеже. За судьбой тучи мы и будем следить по изменению характеризующих ее падежных окончаний. Первая фраза — восклицательная — патетическое обращение к туче. Туча стоит в именительном падеже, обладает определением «последняя» и еще сохраняет связь со своим родовым сообществом *бурей*. Но потерпевшая поражение буря туче уже не защита — поскольку стоит в косвенном падеже и определяется эпитетом «рассеянная». Далее уже *туча* несет память о некогда мощной *буре*, являясь ее синекдохой¹: по силе этой тучи можно судить о былой мощи самой бури.

Начиная со второй строки заголовочное существительное уступает место личному местоимению второго лица.

Одиночество тучи выражено троекратной анафорой² *одна ты*. Туча и одна — сильная. Пока она в именительном падеже, она многое может. Главная ее сила — в способности «наводить» косвенный падеж на многие светлые явления, фактически затемнять их:

лазурь — несешься по светлой лазури (отметим очень быстрый темп тучи);
день (к тому же ликующий) — печалишь ликующий день.

Лазурь и *день* даны через строчку. Между ними строка, где нет никакого существительного, подверженного влиянию тучи; зато там есть самая суть ее действий:

Одна ты *наводишь унылую тень*.

В глаголе «наводишь» корень — *вод* — от «водить», а не от «воды», но в слогe *вод* связь с водой слышится. Эта «тень воды», насылаемая тучей в прошлом,

¹ Синекдоха понимается как метонимия, устанавливающая количественное отношение между буквальным и подразумеваемым смыслом употребленного слова/выражения [Махов 2010: 424].

² Анафора возникает, когда одно и то же выражение дважды или большее число раз повторяется в начале стихов [Махов 2010: 440].

хорошо сочетается с «унылой тенью», которую «наводит» туча. Не сказано — на кого и на что наводит туча тень. Значит, ответ — на все, мимо чего проносится.

Туча, проносясь по небу, — «убирает» букву *р* из слов, по которым «движется». В *лазури* есть *р* есть радость — а в следующих двух строчках буквы *р* нет, но есть аллитерация³ на *л-н* — создающая ощущение уныния:

наводишь унылую тень;
печалишь ликующий день.

Печалишь и *ликующий* не случайно поставлены рядом: в слове *последний* фонетически сливаются и «последность», и печаль, и «лишность» (окончание *лишь*).

И все это делает одна единственная туча. Пушкин применяет здесь прием «отказа от зевгмы⁴» (выделение приема наше — см.: [Довгий 2021: 125–126]): обычно экононый и не склонный к операции риторического прибавления, он прибегает к троекратному анафорическому повтору. Можно было бы написать: «Ты наводишь, несешься, печалишь». Но Пушкину нужно растянуть удивление от действий тучи — и тут нужна ретардация⁵, нужен повтор:

Одна ты наводишь... / Одна ты несешься... / Одна ты печалишь...

Затем происходит смена грамматического времени с настоящего на прошедшее. Туча показана во всем былом величии. Она по-прежнему в именительном падеже, она сильна аллитерациями и властью ставить все, с чем соприкасается, в косвенный падеж — например, *небо*:

Ты небо недавно кругом облежала.

Далее снова идет троекратный анафорический повтор — на этот раз повторяется союз *и* (заметим снова в скобках: все эти три *и* семантически различны меж собой). Появляется новый персонаж в именительном падеже — *молния*. Это помощница тучи. Она ставит тучу в косвенный (родительный) падеж:

И молния грозно тебя обвивала.

Отметим и анафорический повтор слога (туча небо обвивала, молния тучу облежала), подчеркивающий синонимию и синхронность действий тучи и молнии. В данном случае постановка в косвенный падеж, как и *грозное* обвивание, носит защитный для тучи характер, помогающий ей в следующих двух строках выполнять свою миссию снова в именительном падеже:

И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Результатом защитных действий молнии оказывался *гром*. Получается своеобразная каузальная цепочка, выраженная игрой падежей: *молния* в именительном обвивает *тучу* в родительном, а усиленная *туча*, вернувшаяся

³ Повтор сходных согласных.

⁴ Присоединение нескольких оборотов к «одному слову» [Махов 2010: 443].

⁵ Задержка развития действия, замедление.

в именительный, издает *гром* в винительном. И тут Пушкин для ускорения темпа и сокращения рассказа о подвигах тучи использует зевгму. Правда, ее никто за зевгму не признает, т. к. она неосложненная и выглядит как обычная конструкция с одним подлежащим и двумя однородными сказуемыми (*ты издавала и пошла*). Действие тучи подано как благородное и полезное — но на уровне грамматики это все та же постановка окружающих предметов в косвенный падеж. На этот раз — *земли*:

И алчную землю поила дождем.

Дождь в творительном падеже относится к группе «дарителей» (*молнии-грома* и — шире — не названной здесь *бури*), а *земля* в дательном к группе одариваемых (эпитет *алчную* в применении к земле свидетельствует о долгожданности дождя).

Итак, *туча* и то, что она производила, было полезно. А что дальше?

А дальше следует повелительное обращение к туче — уже без повторения личного местоимения:

Довольно, сокройся...

В следующих строках идет наступление существительных в именительном падеже на ставшую безымянной тучу:

земля (та, что алчно поглощала производимый тучей дождь) *освежилась* — и уже не помнит благодеяния тучи;

буря (та, что могла бы защищать тучу) *промчалась*, фактически предала.

Возглавляет и завершает это наступление новый персонаж — тоже в именительном падеже. Это *ветер*. Он тоже обладает властью ставить существительные, с которыми соприкасается, в косвенные падежи. Он совершает одновременно два действия: одно выражено глаголом, другое деепричастием. В обоих случаях несовершенный вид. В отношении к листьям деревьев его действие — ласка:

лаская листочки деревьев.

Отметим уменьшительно-ласкательную форму *листочки*, находящуюся в полной гармонии с семантикой деепричастия глагольной формы (*лаская*) и аллитерацию на *л-с*. В начале разбора мы писали, что туча убирает букву *р* из слов, по которым проносится. Ветер, и сам обладающий этой буквой, положение восстанавливает: *древес*. Архаическая форма существительного рифмуется с самым последним словом стихотворения: *небес*. *Небеса* тоже в косвенном падеже — они *успокоенные*. Небо в начале стихотворения и небеса в конце в косвенных падежах — но в разных (об этом можно бы написать отдельное исследование). В поэзии ветер, как правило, волнует. А в этом стихотворении *ветер* просто экзорцист: он ласкает листочки и успокаивает небеса, а тучу — гонит. Мысль о демонологической составляющей поддержана ассоциацией со стихотворением «Бесы», где глагол *гонят* применен к *бесам разным*:

Сколько их, куда их гонят?

Кстати, там тоже в картину включены листья — с ними сравниваются гонимые бесы:

Закружились бесы разны, словно листья в ноябре...

Итак, судьба тучи показана сменой именительного падежа личного местоимения на косвенный. Грамматический каркас стихотворения можно представить так: сначала туча была в именительном падеже и была сильна: (*ты* наводишь, *ты* несешься, *ты* печалишь, *ты* облежала, *ты* издавала, *ты* поила). Потом время именительного падежа для тучи кончилось. Туча поставлена в родительный падеж — и это знак ее полного поражения (*тебя* гонит ветер).

«Буря» (1825)

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури
[Пушкин 1959, т. 2: 117].

Кто «главный» в стихотворении? Уже привычно спросим у падежей. *Буря* в заглавии в именительном падеже явно претендует на роль главного персонажа. Посмотрим, подтвердит ли падежное движение стихотворения ее претензии.

В первой строке возникает *дева* в винительном падеже. Может ли она претендовать на роль главного? На первый взгляд, вряд ли. Она объект, к тому же, скорее всего, чисто виртуальный. На явно риторический вопрос «Ты видел?» (местоимение *ты* здесь тоже совершенно риторическое; собеседник — условный) ответ предполагается скорее всего отрицательный.

Дальше появляются новые претенденты на роль главного. Все в именительном падеже:

Море. У него есть глагол с дополнением (*играло с берегами*) и деепричастный оборот *бушуя в бурной мгле*. Заметим, как уверена в своей победности *буря*: она распространяется в эпитеты и одевает собой мглу.

Луч. Он тоже богато оснащен. У него есть определение: он не просто луч — он *луч молний*. Это семантически значимая замена: луч бывает у солнца и луны. К тому же налицо рассогласованность числа: единственный луч от множества молний — какой силы он должен быть? Наверное, вполне может заменить луч солнца. У луча есть глагол *озарял* и его группа. Такой мощный луч нужен, чтобы озарять — и не как-нибудь, а с временным (*всечасно*) и цвето-

вым (*блеском алым*) шлейфом — деву, по-прежнему стоящую в винительном падеже, но отправленную уже в область местоименных именований (*ее*).

Ветер. У него два глагола — аллитерационно близкие *бился* и *летал*. Они нужны для взаимодействия даже не с самой девой — а с ее покрывалом; парегменон⁶ заставляет ветер передать покрывалу свои свойства (*летал* — *летучее*). Белое летучее покрывало⁷ (с которым к тому же интересно биться ветру), алый блеск молний — и сплошная игра: игра моря, игра ветра, игра аллитераций. Вся эта романтическая картина — воображаемая; она дана под знаком вопроса.

А дальше — тон меняется и идут два утверждения.

1. О красоте моря и неба.

Море — *прекрасно*. Ему сопутствует диафорический повтор словосочетания *в бурной мгле*. Краткая форма прилагательного позволяет ему выступить в роли сказуемого.

Небо — тоже прекрасно. Но для неба сказуемое не повторено. Хватит зевгмы: «прекрасно море и небо». Для неба есть аллитерационно богатое расширение *в блесках без лазури*. *Блески*, безусловно, в родстве с *блеском* из предыдущей части.

2. Финальное утверждение начинается с союза *но* и фактически отменяет все вышеприведенные описания красот претендентов в именительном падеже: *Но верь мне*. Повелительное наклонение, никаких доказательств — просто *верь*. Это похоже на магическое заклинание.

И дальше — радикальный грамматический поворот: статичная дева на скале игрой стихий и стиха переносится в именительный падеж (и скала ей как пьедестал); наделяется качественно более высокой степенью прилагательного (*прекрасней*), а волны, небеса и сама буря скопом спускаются в косвенный падеж, признавая свое поражение. Риторически очень сильный ход: показать, как прекрасны соперники. От этого победа девы, превосходящей их — и каждого в отдельности, и всех вместе (данных в перечислении), — оказывается еще ценнее. И налицо эффект обманутого ожидания: заглавный персонаж оказывается совсем не главным.

Подведем итог. Интерпретация двух пушкинских стихотворений сквозь призму грамматической оппозиции «именительный падеж / косвенные падежи» позволила нам увидеть отражение нарастания драматического напряжения, развития и разрешения драматического конфликта на микроуровне текста — на уровне грамматики, на беглый взгляд, незаметной игры грамматических категорий.

Литература

Бибихин В. В. Грамматика поэзии. СПб.: изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 592 с.
Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.: ОГИЗ, 1941. 620 с.

⁶ Повтор однокоренных слов.

⁷ О роли покрывала как медиатора, «преображающего для романтика мир», см.: [Махов 2023: 50].

- Винокур Г. Р. Пушкин и русский язык // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 189–206.
- Гин Я. И. Поэтика грамматики / Сост., подгот. текста С. М. Лойтер: Электронное издание. Петрозаводск, 2017. 181 с.
- Довгий О. Л. Грамматика поэзии в сатирах А. Д. Кантемира // Известия Российской академии наук. Сер. лит. и языка. 2017. № 1. С. 15–21.
- Жолковский А. К. Разбор стихотворения Пушкина «Я вас любил...» // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1977. № 3. С. 252–263.
- Жолковский А. К. Инварианты Пушкина // Труды по знаковым системам. 11: Семиотика текста. Тарту, 1979. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 467). С. 3–25.
- Красильникова Е. В. (отв. ред.). Поэтическая грамматика: монография / И. И. Ковтунова и др.; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова и др. Т. 1. М.: Азбуковник, 2006. 429 с.
- Красильникова Е. В. (отв. ред.). Поэтическая грамматика: монография / И. И. Ковтунова и др.; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова и др. Т. 2. М.: Азбуковник, 2013. 317 с.
- Кулагина О. Л. Сатиры А. Д. Кантемира: поэтика, контексты, интертексты: дисс. д. филол. наук / МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2018. 617 с.
- Махов А. Е. Фигуры // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель. М.: Изд-во Кулагиной, 2010. С. 437–455.
- Махов А. Е. Своеобразие романтического мировосприятия в лирике А. С. Пушкина 1820-х годов // Махов А. Е. Избранные сочинения. Т. 1. О русской литературе. Тула: Аквариус, 2023. С. 21–150.
- Пушкин А. С. Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения // Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. М.: Гослитиздат, 1959. С. 342–351.
- Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1959. 799 с.
- Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени). Харьков: Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды, 2012. 236 с.
- Темиришина О. В. Грамматика поэта. Структуры внутренней речи в лирике Егора Летова // Вестник Томского государственного ун-та. Филология. 2022. № 80. С. 269–290.
- Шапир М. И. «Грамматика поэзии» и ее создатели (Теория «поэтического языка» у Г. О. Винокура и Р. О. Якобсона) // UNIVERSUM VERSUS. Язык — стих — смысл. Кн. вторая. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 327–346.
- Щеглов Ю. К. «Гармоническая точность» и «поэзия грамматики» в стихотворении Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье») // Russian Literature and the West. A Tribute for David M. Bethea / Eds. A. Dolinin, L. Fleishman, L. Livak. Part I. Stanford, 2008. P. 177–210 (= Stanford Slavic Studies. Vol. 35).
- Эпштейн М. Н. Предлог «в» как философема. Частотный словарь и основной вопрос философии // Вопросы философии. 2003. № 6. С. 86–95.
- Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 462–482.
- Якобсон Р. К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа // Якобсон Р. Избранные работы: Пер. с англ., нем., франц. языков. М.: Прогресс, 1985. С. 133–175.

References

- Bibikhin V. V. *Grammatika poezii* [Grammar of poetry]. St. Petersburg, Ivan Limbakh's Publ., 2009. 592 p.
- Dovgij O. L. [Grammar of poetry in the satires of A. D. Kantemir]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, 2017, no. 1, pp. 15–21. (In Russ.)

- Epshtein M. N. [The preposition “in” as a philosopheme. Frequency dictionary and the main question of philosophy]. *Voprosy filosofii*, 2003, no. 6, pp. 86–95. (In Russ.)
- Gin Ya. I. *Poetika grammatiki* [Poetics of grammar]. Comp., prep. of text by S. M. Loiter. Petrozavodsk, 2017. 181 p.
- Krasil'nikova E. V. (resp. ed.). *Poeticheskaya grammatika: monografiya* [Poetic grammar: monograph]. Vol. 1. Moscow, Azbukovnik Publ., 2006. 429 p.
- Krasil'nikova E. V. (resp. ed.). *Poeticheskaya grammatika: monografiya* [Poetic grammar: monograph]. Vol. 2. Moscow, Azbukovnik Publ., 2013. 317 p.
- Kulagina O. L. *Satiry A. D. Kantemira: poetika, konteksty, interteksty: diss. ... dr. filol. nauk* [Satires A. D. Kantemir: poetics, contexts, intertexts: diss. ... dr. philol. sci.] / Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2018. 617 p.
- Makhov A. E. [Figures]. *Evropeiskaya poetika ot antichnosti do epokhi Prosveshcheniya: Ehntsiklopedicheskii putevoditel'* [European poetics from antiquity to the Enlightenment: Encyclopedic guide]. Moscow, Kulagina's Publ., 2010, pp. 437–455. (In Russ.)
- Makhov A. E. [The originality of the romantic worldview in the lyrics of A. S. Pushkin in the 1820s]. Makhov A. E. *Izbrannye sochineniya. T. 1. O russkoi literature* [Selected works. Vol. 1. About Russian literature]. Tula, Akvarius Publ., 2023, pp. 21–150. (In Russ.)
- Pushkin A. S. [Refutation of critics and comments on his own works]. *Sobranie sochinenii: V 10 t.* [Collected works: In 10 volumes]. Vol. 6. Moscow, Goslitizdat Publ., 1959, pp. 342–351. (In Russ.)
- Pushkin A. S. *Sobranie sochinenii: V 10 t.* [Collected works: In 10 volumes]. Vol. 2. Moscow, Goslitizdat Publ., 1959. 799 p.
- Shapir M. I. [“Grammar of poetry” and its creators (Theory of “poetic language” by G. O. Vinokur and R. O. Yakobson)]. *UNIVERSUM VERSUS. Yazyk — stikh — smysl. Kniga vtoraya* [UNIVERSUM VERSUS. Language — verse — meaning. Book second]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2015, pp. 327–346. (In Russ.)
- Shcheglov Yu. K. [“Harmonic precision” and “poetry of grammar” in Pushkin's poem “K***” (“I remember a wonderful moment”)]. *Russian literature and the West. A tribute for David M. Betha*. Eds. A. Dolinin, L. Fleishman, L. Livak. Part I. Stanford, 2008, pp. 177–210 (= Stanford Slavic Studies. Vol. 35).
- Skorobogatova E. A. *Grammaticheskie znacheniya i poeticheskie smysly: poeticheskii potentsial russkoi grammatiki (morfologicheskie kategorii i leksiko-grammaticheskie razryady imeni)* [Grammatical meanings and poetic meanings: the poetic potential of Russian grammar (morphological categories and lexico-grammatical categories of the name)]. Khar'kov, Kharkov National Pedagogical University named after G. S. Skovoroda, 2012. 236 p.
- Temirshina O. V. [Poet's Grammar. Structures of internal speech in the lyrics of Egor Letov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universitetata. Filologiya*, 2022, no. 80, pp. 269–290. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. *Stil' Pushkina* [Pushkin's style]. Moscow, OGIZ Publ., 1941. 620 p.
- Vinokur G. R. [Pushkin and the Russian language]. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959, pp. 189–206. (In Russ.)
- Yakobson R. [Poetry of grammar and grammar of poetry]. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, Raduga Publ., 1983, pp. 462–482. (In Russ.)
- Yakobson R. [To the general doctrine of case. The general meaning of the Russian case]. Yakobson R. *Izbrannye raboty: Per. s angl., nem., frants. yazykov* [Selected works: Trans. from English, German, French languages]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 133–175. (In Russ.)
- Zholkovskiy A. K. [Analysis of Pushkin's poem “I loved you...”.]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. lit. i yazyka*, 1977, no. 3, pp. 252–263. (In Russ.)
- Zholkovskii A. K. [Pushkin's invariants]. *Trudy po znakovym sistemam. 11: Semiotika teksta* [Proc. on sign systems. 11: Semiotics of the text]. (Scientific journal of Tartu State University. Issue 467). Tartu, 1979, pp. 3–25. (In Russ.)